

валась въ каждое человѣческое лицо, попадавшееся ей на встрѣчу. Но сейчасъ же дикая застѣчивость сковывала всѣ ея, готовые вырваться наружу, чувства, и она печально отворачивалась.

Къ этому времени относится одно ея странное знакомство.

Однажды къ нимъ зашелъ батюшка; Антонъ Кирилычъ былъ въ духѣ и оставилъ его пить чай. За чаемъ шелъ оживленный разговоръ. Леночка разсѣянно прислушивалась. Но мало по-малу онъ овладѣлъ ея вниманіемъ; она заинтересовалась. Рассказывая о своихъ вѣчныхъ войнахъ съ калугурами и жалуясь на ихъ подвохи, батюшка, между прочимъ, упомянулъ, что на полубаровскомъ пчельникѣ недавно поселился какой-то отшельникъ, къ которому каждое воскресенье стекаются толпы народа, даже и православныхъ, чтобы слушать его поученія; самъ же онъ сидитъ безвыходно на пчельникѣ, носить вериги, питается самою грубою пищей и поэтому считается чуть не за святого.

— Да кто же онъ такой? Откуда?—спросилъ Антонъ Кирилычъ.

— Говорятъ, здѣшній. Зовутъ его Демидомъ. Писарь разсказывалъ мнѣ, что будто бы этотъ самый Демидъ былъ когда-то, давно еще, должно быть, до васъ,—сосланъ за убійство въ Сибирь. Ну, а теперь вотъ возвратился и въ святые попалъ.

— Экіе мерзавцы!—возмутился Антонъ Кирилычъ.—И не понимаю, чего это начальство смотреть. Взять бы этого святого, да...

„Какая гадость!“ подумала Леночка съ отвращеніемъ и, не дослушавъ рекомендуемыхъ отцомъ мѣропріятій, вышла изъ комнаты.

Этимъ же вечеромъ она отправилась къ сестрицѣ Прасковѣ, которая хотя и была уже очень стара, но все еще неутомимо продолжала лечить, ухаживать за больными и спорить съ батюшкою на бесѣдѣ о двуперстномъ знаменіи.

— Давненько, давненько не провѣдывала ты меня, Аленушка!—привѣтствовала Леночку старуха.—Знамо, тебѣ со мною тѣсно; стара я стала, ину пору и не дослышу, и не domeкну... Скоро-скоро, Аленушка, закроются мои свѣтлые глазыньки,—чую! Вотъ уже и сестричушка моя, Марья Филипповна, царство ей небесное, въ могилку улеглась... Охъ, и не видишь, какъ время идетъ; гляди-ка вонъ, и ты уже заневѣстилась. Такъ-то вотъ и смерть придетъ,—не услышишь, не увидишь...

И Прасковья было совсѣмъ пригорюнилась... Но по природной своей живости скоро встрепенулась и засуетилась, приговаривая: